

По удо

ИЗ ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ

И всё-таки жизнь —
замечательная штука

ТАТЬЯНА ФИЛАТОВА

Татьяна Филатова

По УДО из внутренней тюрьмы

«Автор»

2026

Филатова Т. Б.

По УДО из внутренней тюрьмы / Т. Б. Филатова — «Автор»,
2026

Каждый из нас хоть раз загонял себя в угол собственными руками. Татьяна Филатова обнаружила, что зашла слишком далеко и внутренний тупик получил реальные стены. Три года. Колония общего режима. Книга — разговор с близким человеком поздно вечером: с горьким смехом, деталями, которые врезаются в память, с нежностью к людям, встреченным там, где её не ждёшь. СИЗО, этап, колония и люди, которых невозможно забыть: Рыжая — опасная в своей борьбе за место; Алёнка, с которой можно смеяться даже здесь; Надя — острая как бритва. Рядом воспоминания о жизни до. Автор не объясняет и не оправдывается, она шаг за шагом возвращается к себе. Эта история не столько о тюрьме. Ведь многим знакома другая теснота: страх ошибок, привычка все контролировать, необходимость тянуть все на себе и жить внутри собственной версии «как правильно». Книга о свободе, о той, которая начинается раньше открытой двери. О жизни, которая не становится идеальной, но снова становится своей. И всё-таки замечательной штукой.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. СИЗО	6
«Дыши!»	6
«Хорошо заехала»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Татьяна Филатова

По УДО из внутренней тюрьмы

Моим детям — Маше и Грише
Татьяна Филатова

Пролог

«... Именем Российской Федерации назначить наказание в виде лишения свободы... сроком на три года... в колонии общего режима.»

Я сложилась вдвое. Полностью мне не дал упасть стол, на него я рухнула.

«Как? Почему?» — этих мыслей не было. Вообще ничего не было. Я перестала дышать, я умирала. Я видела всю картину свысока: кричащее лицо дочери, ужас в глазах сестры, потухшие глаза адвоката, сочувствующий и извиняющийся взгляд потерпевших. И абсолютное равнодушие судьи. Она вынесла приговор задолго до заседания. А я умирала на столе.

«Тюрьма».

Внутренний и внешний мир стали идентичны. Я давно внутри загнала себя в тюрьму. Своими неправильными, поспешными решениями, своими установками, своим поведением, своими, своими, своими. Сама поставила себя в тупик, поставила к стене и закрыла железную дверь. Один из моих учителей говорил, что внешний мир является продолжением и отражением внутреннего. Это так.

«Тюрьма».

Тогда я не понимала, что только сейчас я начну долгий путь возвращения к жизни и спустя два года и восемь месяцев выйду по УДО (условно-досрочное освобождение) из своей внутренней и внешней тюрьмы.

Часть 1. СИЗО

«Дыши!»

— Протяните руки.

Я пытаюсь поднять тело со стола. Передо мной два человека в форме. «Откуда они взялись?» Я не видела их, пока шло заседание суда. Конвой. Протягиваю руки, и на них защелкивают наручники. Такое показывают в кино. Со мной это сейчас происходит, в моей жизни. Тут нет сцены, нет декораций, это реальный зал суда, реальные люди. Для меня жизнь исчезла, ушла в другую плоскость, я в каком-то междумирье.

— Проходите.

Непослушными руками пробую взять со стола телефон.

— Телефон вам не понадобится.

Меня заводят в железную клетку внутри зала суда. Смотрю на всех сквозь прутья решетки. Голова кружится.

— Снимите украшения и часы и отдайте вашему адвокату.

— Маша! – кричу я дочери, порываясь броситься к ней. Но ее не подпускают ко мне. Я снимаю серьги, часы и передаю их через конвой адвокату.

— Дайте обнять дочь.

— Не положено. Выходите.

Я не могу смотреть на Машу и сестру. Дочь как будто окаменела, она стоит неподвижно. «Воробышек ты мой, прости».

— Маша, все будет хорошо! — кричу я.

— Я знаю, — скорее по губам читаю я, чем слышу голос дочери.

Дверь клетки открывается, и конвой выводит меня из нее, предварительно пристегнув к себе наручниками. Мы покидаем зал суда через другую дверь. Она закрывается за нами. «Вот и все. Я теперь заключенная. Зэчка». Меня сопровождают четыре человека. Трое мужчин и одна женщина. Мы начинаем спускаться по лестнице. Я не могу сосредоточиться и посчитать этажи. Но, наверное, это и неважно. Какие-то коридоры, пролеты, лестницы. Останавливаемся. Мне кажется, что меня привели в подвальное помещение. Длинный коридор. По одну сторону ряд дверей, по другую — две комнаты с наполовину стеклянными стенами. Меня заводят в одну из них. Напротив меня крупная женщина в форме. Спокойное лицо. Смотрит на меня то ли с сожалением, то ли с пониманием, то ли с безразличием, не могу понять. Да и вообще, мне сложно сосредоточиться и думать. Наверное, это все легко считывается.

— Снимите обувь и вытащите шнурки, — спокойно говорит она.

— Зачем? Тут нет шнурков. Это ленты, — я смотрю на свои любимые полуботинки от Loryblu. — Как я ходить буду?

— Так положено. Не надо задавать лишних вопросов.

Это другая жизнь. Здесь не надо задавать вопросов. Здесь надо выполнять команды. Развязываю синие ленты-шнурки и передаю их. Ноги в ботинках болтаются, мне кажется, что теперь я не твердо стою на земле и если сделаю шаг, то не удержу равновесие. Вся жизнь катится под откос.

— Снимите очки. У вас железная оправа. Мы их забираем.

— Но я ничего не вижу без них. Это очки для постоянного ношения, — нормально двигаться я не могу, если я еще и не смогу видеть, то что мне останется тогда?

«Похоже, что я уже давно спотыкалась по жизни и мало что видела вокруг», — думается мне. Конвоирша ничего не отвечает, но, отвернувшись, протягивает мне очки назад.

— Снимите одежду.

— Что, всю?

— Нижнее белье можете оставить.

Начинаю раздеваться, руки не слушаются меня. Грузная дама профессионально ощупывает каждый участок моего тела. «Вот так ломают психику, — думаю я, — держись, Таня, все уже позади». Я еще не знаю, что впереди меня ждет неисчислимая череда таких досмотров.

«Когда же это все закончится?» Меня выводят из комнаты. Стена, утыканная, как заплатками, железными дверьми. Одну такую дверь открывают и заводят меня внутрь. Наручники снимают. Я не успеваю ничего рассмотреть, как за мной захлопывается железная дверь. Я в камере. Нет, в бетонном мешке размером приблизительно два с половиной на полтора метра. По всей длине деревянная скамья. Откуда-то сверху полоска света, впрочем, светом это назвать трудно, камера почти в темноте. Я сползаю по стене на скамейку. Все пространство начинает давить на меня, начинается приступ клаустрофобии, готовый перейти в паническую атаку.

— Откройте дверь! Выпустите меня! Мне нечем дышать! — кричу я.

— Дыши! — ответ в открывшееся смотровое окно.

— Пожалуйста! — я задыхаюсь, голос срывается на хрип.

— Дыши, — смотровое окно захлопывается.

Закрываю глаза, пытаюсь восстановить дыхание. Ухожу глубже внутрь себя. Такое уже было, я тогда справилась, правда, не без помощи, но смогла ведь.

XXX

Первый раз на горные лыжи я встала, когда мне было сорок четыре. И неважно, что на третий день катания с инструктором, в канун Нового Года, 30 декабря, я сломала ногу. Через два месяца с ногой в ортезе я снова вышла на склон. Это была любовь — любовь к горам, к лыжам, к драйву, любовь навсегда.

Спустя три года я уже чувствовала себя уверенно на трассах, хотя «черные» обходила стороной, получая истинное наслаждение от спокойного, размеренного катания, когда можно полюбоваться красотой вокруг, неспешно или с ветерком, но без страха «резать» склон.

В зимние каникулы мы всей семьей выезжали в полюбившееся нам местечко Ла Плань. Оно не было слишком распиарено, очередей на подъемники почти не наблюдалось, а количество трасс и сервис были на отличном уровне. И солнце. Оно было щедрым и ласковым, поднимало настроение на целый день катания. Обычно мы снимали апартаменты, нам нравилось закупить еды на несколько дней, готовить самим, обустроить под себя наше временное жилище и чувствовать себя как будто ты дома, но не совсем. Это вызывало ощущение новизны и при этом спокойствия.

Утро начиналось с плотного завтрака. Обычно я готовила омлет, а фирменным блюдом мужа была овсяная каша. Как следует подкрепившись, мы начинали сборы: термобелье, флис, брюки, куртка, шлем, очки — все это в традиционной последовательности надо было водрузить на себя. Сына одевал муж, а Гриша, шустрый чертенок, смеялся, увертывался, отвлекался, не давая отцу провести все действия в установленном порядке. И наконец — выход на склон. Шале стояло прямо на склоне, оставалось только пристегнуть лыжи, взять в руки палки, и вот, ура! — катание начиналось прямо от дома.

У нас были любимые трассы, мы меняли маршруты, потому что так классно, так интересно, да и трасс было столько, что за две недели мы на некоторых и не побывали, каждый раз говоря себе, что в следующем году мы точно их откатаем. До обеда мы всегда делали перерыв в катании. Грише — горячий шоколад, Маше — кофе, мы с мужем по чашке глинтвейна или кофе, в зависимости от настроения. Обед ждал больше всех сын. Какое счастье зайти с морозца в теплое помещение, расстегнуть лыжные ботинки или даже снять их, скинуть с себя куртки, шлемы, растянуться на скамейке и вкусно поесть. Сын наворачивал за обе щеки суп-

гуляш и даже не смотрел в сторону пиццы. Даже дочка ела с аппетитом, что в обычной жизни для нее было несвойственно. Вдоволь наевшись, ты ощущаешь какую-то слабость во всем теле, совсем не хочется залезать в ботинки, и тут важно не упустить этот момент, когда эта нега совсем накроет тебя.

«Все, встаем, нас ждут великие дела», — голос мужа бодрил и не оставлял нам других вариантов.

Но стоило выйти на мороз и солнце, силы снова возвращались к тебе и радостное ощущение полноты жизни и восторга захлестывало. Вдоволь накатавшись, когда чувствуешь каждую мышцу, каждую частичку своего тела, которая говорит тебе: «Это был классный день, мы с тобой молодцы, хорошо потренировались», — ты заслуженно отдыхаешь. Вечерами можно было пройтись по местным магазинчикам, поглазеть на витрины и подкупить сувениров и подарков близким или просто интересных мелочей для себя. Зайти в ресторанчик, если не хотелось готовить самим, выпить по бокалу вина. У сына открывалось второе дыхание, он спешил покататься на «ледянке» с маленькой горки у дома. Ну, а перед сном — выйти на балкон и просто смотреть на склоны гор, залитых серебристым светом луны.

Вот таким местом была Ла Плань. Наши знакомые предпочитали пафосные «Три долины». Туда, собственно, они и пригласили нас на один день покататься. Добираться от нашей локации до них было часа два, но желание своими глазами увидеть Куршавель решило все.

Время подходило уже к обеду, и перед тем, как получить свой заслуженный отдых, друзья предложили подняться наверх и, скатившись оттуда напрямиком в уютный ресторанчик, взять перерыв на катание и подкрепиться блюдами местной кухни. Сказано — сделано. Мы поднялись почти на самую вершину. Остался один маленький подъемник.

— Ну, на 3100 метров? Там небольшой сложный спуск, но он совсем крошечный, зато вершину «возьмем», — говорит Николай и шагает в кабину подъемника. За ним идут все. И я. А надо было остановиться. Но поздно.

Я стою на вершине, и мне кажется, что спуститься не смогу. Да, участок небольшой, метров 50 вниз по склону. Только вот склон почти отвесный и полностью раскатан в шахматную доску, сплошные бугры и выемки. Друзья двигаются вниз. За ними сынуля, легко лавируя между заносами, скатывается вниз и весело машет оттуда руками. Мне даже кажется, что я слышу, как он весело кричит мне: «Давай, мама, давай!», поддерживаемый возгласами одобрения от друзей.

— Скатайся? — спрашивает муж.

— Постараюсь. Ты езжай к Грише, он один внизу, и сделай ему внушение, чтобы не спешил спускаться с друзьями, а ждал родителей.

— Точно?

— Да, — я киваю головой.

— Ну, смотри, — и муж начинает движение вниз.

Я слежу за ним, он преодолевает это расстояние быстро и уверенно. Теперь моя очередь. И вот тут я точно понимаю, что не смогу. Не смогу, и все. Голова начинает кружиться, когда смотрю под ноги, они подгибаются в коленях, и я, плюхнувшись на «пятую точку», качусь на попе вниз метра три. Каким чудом я смогла завершить этот кульбит и остановиться, мне до сих пор неведомо. Но, кувыркнувшись, осознаю, что движение завершилось, и я красиво сижу, упираясь лыжами в очередной шахматный бугор из снега. И теперь совершенно очевидно, что я здесь останусь навсегда — наверх мне уже не подняться, а вниз точно спуститься не смогу. Все, приехала. Голова кружится еще сильнее, к горлу подступает ком, мне нечем дышать, паника. Пытаюсь восстановить дыхание и не могу. Сквозь перчатки чувствую, как на ладошках выступает предательский холодный пот, лоб под шлемом покрывается им же. Хочется скинуть с

себя всю одежду, потому что нечем дышать. Судорожно пытаюсь расстегнуть куртку, пальцы не слушаются и сил уже нет. В глазах темнеет.

И вдруг:

— Vous sentes — vous mal? Respirez! — кто-то склоняется надо мной.

Я ничего не вижу, только мотаю опущенной вниз головой, как тряпичная кукла.

— Breathe! — чьи-то руки аккуратно снимают защитные очки с глаз и перемещают их на шлем, затем быстро и деликатно расстегивают куртку, снимают перчатку с моей правой руки и чувствую тепло чужой ладони.

Поднимаю глаза. Надо мной нависает темная фигура. Фигура принадлежит мужчине. Он одет в черное пальто, длинное пальто и черную шляпу с полями. Сюр какой-то, так наклон не одеваются, это не горнолыжная снаряга, но он на лыжах. Кого-то он мне напоминает, не могу сообразить. Фредди Крюгер! Герой самого страшного фильма из детства. Точно, Фредди Крюгер из «Кошмара на улице Вязов»! Похоже, что у меня галлюцинации. И кажется, эта мысль приводит меня в чувство. Вглядываюсь: нет, он не страшный, он просто старый, ему точно глубоко за шестьдесят, а лицо доброе, он даже улыбается.

— Все хорошо. Дыши! — мозг старается переводить на русский. А старик жестами показывает, что надо делать. Он подносит руку к груди и медленно поднимает вверх, затем опускает ее вниз, громко вдыхая и выдыхая. Мои зеркальные нейроны включаются, и я повторяю за ним. Вдох-выдох, вдох-выдох.

— Дыши! — и я дышу.

— Молодец. Хорошо. Тебе лучше? — Фредди Крюгер протягивает мне руку, приглашая встать.

Я отрицательно качаю головой. Нет, не могу. И мы с ним синхронно снова дышим. Постепенно осознание себя во времени и пространстве возвращается ко мне. Фредди что-то говорит.

— Я не понимаю, — по-русски отвечаю я.

— Окей, — улыбается вновь он.

— Молодец. Хорошо, — это я понимаю и, кажется, улыбаюсь ему в ответ.

Я делаю попытку встать, Крюгер протягивает мне руку и снова показывает жестами, что нужно дышать. Уместно это сейчас, потому что ноги не хотят слушаться меня, и я висну у него на руке. Мы снова дышим вместе с ним. Откуда-то из глубин своего нелепого пальто он достает бутылочку воды и протягивает мне. Я пью — глоток, второй — становится лучше.

— Спасибо, — на английском благодарю его я.

— Отлично! — он смеется. — Ты в порядке!

«Да какой там в порядке», — думаю я, и мысль, что я способна думать, придает мне уверенности. Старик снова говорит много и весело. Я улавливаю только смысл, что не надо бояться, что все хорошо, что мы сейчас спустимся вместе, это легко.

— Нет, это не легко! — на глазах наворачиваются слезы, и мне снова плохо.

— Нет, нет, нет! — старик протягивает мне бутылку с водой. — Дыши!

Проходит еще несколько минут. Я снова успокаиваюсь, и мне уже как-то неудобно — этот человек в возрасте посередине горы возится со мной, пытаясь привести меня в чувство, а ведь мог спокойно проехать мимо, не его ведь дело. Мои близкие внизу, они могут вызвать спасателей, и меня с позором на специальных санках спустят вниз. Но ведь нет, он решил помочь мне. Надо брать себя в руки и в ноги тоже.

— Я готова.

— Смотри, — Фредди лыжной палкой начинает чертить траекторию движения. — Я, потом ты, следуй за мной. Скользи. Разворот. Стоп. — Палка на воображаемом чертеже ставит точку. — Снова я, потом ты, следуй за мной, стоп.

И я понимаю его. Мы начинаем движение. Я в точности стараюсь повторить его маршрут. Получается. Мы по чуть-чуть, друг за другом, очень медленно, с постоянными остановками

после каждого разворота движемся вниз. Уже не страшно. И зачем я боялась, этот склон не такой уж и страшный?

Ну вот мы внизу. Сынуля обнимает меня.

— Маман, ты герой! — гордится сын мной.

— Нет, это не я герой, герой ... — я чуть не сказала: «Фредди Крюгер». — Спасибо Вам большое, Вы меня спасли. Как Вас зовут?

— Лео, — отвечает фигура в черном.

— Лео, спасибо Вам. Могу я в благодарность угостить Вас обедом?

— О нет, это лишнее. Вы молодец. Наслаждайтесь отдыхом, — и Лео-Фредди, улыбаясь и махая рукой, покидает нашу компанию.

Вдох. Выдох. Иногда это всё, что у тебя есть.

Если я дышу, значит, я ещё здесь, я жива. Значит, жизнь продолжается, значит, ее надо жить.

Пока просто дыши. Потом будет следующий шаг.

Учреждение: [REDACTED]

Номер письма: 5436502

Создано: 9 июля 2019 г.

Получатель: Филатова Татьяна Борисовна 1967

Отправитель: Филатова Мария Валерьевна

e-mail: [REDACTED]

Знаков: 1240

"Заказан ответ на письмо"

Мамка, привет! Пишу тебе письмо вслед за Гришей, 9 июля.

Надеемся, что еще успеет дойти пока ты здесь в Москве. Мамк, мы тут правда стараемся как можем, чтобы все было в порядке. Не без косяков конечно с участком, уборкой, но иногда отвлекаться на хозяйство помогает немного освободить мозги. Знаешь, как-то получается по-разному, то дни в жуткой беготне и поздним возвращением домой под вечер, то целый день не заставить себя выкопать внезапно залетевший на участок борщевик. Конечно, расставляя приоритеты и понимая, что никто кроме тебя не сделает, встаешь и делаешь все, что можешь в текущий момент.

Переживаю, когда оплачиваю продукты, коммуналку, когда боюсь сказать что-то кому-то не так, например адвокату, но вроде объясняю себе, что действительно имею право на любые интонации и фразы, даже может не на привычную многословную вежливость.

Так и живем, сегодняшним днем, планировать что-то далекое не очень получается, адекватно мешают эмоции, которые все остальное время осознанно выключаются. Иногда кажется, что телепатически с тобой разговариваю, ты там это, принимай сигнал, вдруг что-то в этом есть). Как ты там? что интересного? чем тебя можно еще порадовать? Все это скоро и справедливо закончится. Люблю тебя и жду. Маша.

«Хорошо заехала»

В автозаке было темно и душно. Боязнь замкнутого пространства, кажется, отступила. Ушла в глубоко внутрь меня. Затаилась там, готовая выскочить наружу в самый неподходящий момент. Впрочем, отступило всё. В голове бульон, мутный бульон, в котором плавают развалившиеся от долгой варки клёцки-мысли. Их очень мало, они бесформенные и невкусные. Я вся внутри этого бульона, мыслей сформулированных нет. Только буль-буль, буль-буль.

Мы куда-то едем, где-то останавливаемся, кого-то выпускают, кого-то заводят внутрь. Бесконечно долго. Наверное, уже вечер, может, даже ночь. Буль-буль, буль-буль.

— Что, прямо из зала суда закрыли? Не ожидала? — голос справа.

— Да, — качаю я головой.

У меня с собой нет ничего, руки пустые. Да, мы не рассчитывали на такой приговор.

— Статья какая?

— Сто пятьдесят девятая.

— Курить хочешь?

— Кажется, да.

В автозаке курить нельзя, но все это делают. Сизый дым клубится по всей железной клетке. Два ряда деревянных скамеек по стенам. Женщины сидят впритык друг к другу. Сумки держат на коленях. Как может поместиться в этом пространстве такое количество человек, мне сложно было бы раньше и представить. Это даже не набитая маршрутка в час пик. Кто-то переговаривается между собой, кто-то громко смеется, кто-то сидит молча, закрыв глаза.

— Сейчас еще не конец жизни, поверь. Кстати, меня зовут Марина.

Я поворачиваю голову. Справа от меня миловидная ухоженная женщина моих лет с классическим макияжем. Она протягивает мне сигарету и спички.

— Татьяна.

— Ну вот так-то лучше, — улыбается она.

Неужели здесь есть люди, способные улыбаться? Что она здесь делает? Такой типаж встретишь скорее на бизнес-форуме или в переговорной крупного банка. Сквозь тусклый свет и клубы дыма пытаюсь рассмотреть. Марина подписывает накладные. «Черт, чушь какая-то». Она ловит мой взгляд.

— Да, отсюда можно продолжать работать, — снова улыбается. — А теперь соберись-ка, Татьяна.

А я не могу. Одна разбухшая мысле-клёцка зацепилась за другую. И эта пара заполнила всё пространство в голове. Пытаюсь отвечать на вопросы Марины. «Да, у меня двое детей, они остались одни. Сын ещё учится в школе, в девятом классе. Да, я надеюсь, что они смогут позаботиться о себе. Наверное, бывший муж не оставит их совсем, может, чем-то поможет. Нет, у него новая семья. Нет, он живёт далеко от нас, 380 км.»

— Ты должна сейчас позаботиться о себе, и тогда всё будет хорошо, — твёрдо говорит Марина.

«Господи, как?»

— Возьми себя в руки, — будто слыша мои мысли, наставляет меня Марина.

Она начинает говорить, что необходимо сделать уже сейчас. Я плохо соображаю, ничего не могу запомнить.

— Дайте мне, пожалуйста, листок бумаги и ручку, я всё запишу, сейчас не могу ничего запомнить, — прошу я Марину.

— Ну вот, это уже твоя первая победа. Поздравляю! Возвращайся в этот мир.

Я записываю, что она мне говорит.

— Дай мне номер телефона кого-нибудь из детей. У нас завтра звонки, я позвоню твоим и скажу, что надо делать, — предлагает Марина.

А я не могу вспомнить телефон. Потому что это просто нажать кнопку вызова «дочь Маша» или «сын Гриша». Но я не помню номера. То, к чему я привыкла и кажется само собой разумеющимся, сейчас сыграло со мной злую шутку. Ищу в памяти все возможные картинки, где и когда я писала или видела на экране эти номера. Перебираю пальцами набор, когда я звонила детям со стационарного телефона. Я выдаю Марине два номера, правда я не очень уверена, что они правильные. Себе оставляю листочек бумаги с моими записями, хотя записями эти каракули не назовешь. Да ладно, постараюсь потом разобраться.

Нас привезли к месту назначения, всех начинают выводить.

— Не знаю, Татьяна, увидимся ли мы с тобой еще, скорее нет, — говорит мне на прощание Марина, — Главное не выпадай из жизни, соберись, ты нужна своим детям. Да и себе ты тоже нужна.

На следующее утро, когда меня уже определили в камеру карантина, на утренней проверке мне дали в руки пакет, полностью набитый чем-то.

— Филатова! — гаркнула контролёр

— Это я.

— Возьми, тебе тут передача. Хорошо заехала, девчуля! — ухмыляется контролёр.

А я не сразу поняла, от кого. Дети не могли так быстро решить все бюрократические вопросы и к девяти утра следующего дня собрать мне передачу. Только когда в камере под голодными взглядами девчонок, когда я выкладывала на стол баранки в рассыпуху, конфеты, чай, сахар, сигареты, яблоки, мне стал понятен смысл слов контролёра. «Хорошо заехала», — это постаралась Марина. Марина, как и обещала, звонила детям, рассказала им местные правила, дала кучу советов, а самое главное — успокоила их. Вселила веру в то, что всё будет хорошо, что это можно и нужно пережить, что жизнь на этом не кончается, а может, только начинается.

Я никогда больше не видела Марину, но я благодарна ей по сей день, благодарна всем сердцем за то, что она стала для меня моим первым Ангелом-Хранителем, помогла мне сделать первый шаг к выходу из моей внутренней тюрьмы.

Х

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.